
ПРИКЛАДНЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. Н. Сумарокова

ЛОГИКА СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация: Практическая логика включает два направления исследования: от логики к практике (прикладная логика) и от практики к логике (логогенез, выработка квазилогических «рабочих схем» рассуждений). Критерием эффективности любой практической логики, в том числе и юридической, является синтез этих направлений. Признание в судебной практике обязательности таких эмергентных свойств доказательства, как диалогичность, альтернативность, многоуровневость и системность, считает автор, позволяет сделать их предметом исследования в теоретической логике.

Ключевые слова: Теоретическая логика, практическая логика, прикладная логика, логогенез, судебное доказательство, эмергентные свойства судебного доказательства.

Abstract: Practical logic consists of two lines of investigation: from logic to practice (applied logic) and from practice to logic (logogenesis, creating quasilogical «working schemes» of reasoning). The criterion for the effectiveness of any practical logic, including legal one, is the synthesis of these two fields. The process of creating evidence in jurisprudence should be dialogic, alternative, multi-leveled and systematic. The author believes that the same properties may well be a theme of research in theoretical logic.

Keywords: Theoretical logic, practical logic, applied logic, logogenesis, legal evidence, emergent properties of evidence in jurisprudence.

Любой вариант практической логики включает по меньшей мере два направления исследования: идущее от логики к практике (прикладная логика) и от практики к логике (логогенез; критика логики с позиций практики, обнаруживающая «белые пятна», задающая новые цели логических исследований и т. п.).

В отечественной литературе тот вариант практической логики, который является результатом взаимодействия логики и юриспруденции (юридическая логика), большинством авторов отождествляется с прикладной логикой; вто-

© Л. Н. Сумарокова, 2011

рое направление, связанное с «логическим самосознанием» юриспруденции, здесь почти не представлено. К редким исключениям можно отнести работы В. Д. Титова, который термином «юридическая логика» объединяет оба названных выше направления. В. Д. Титов исследует как процесс зарождения логических идей в судебной практике древнего мира (протологика, логогенез)¹, так и современные формы взаимодействия логики и права². Последние, как показано, нельзя свести только к использованию готовых логических знаний; необходимо учитывать и встречные процессы выработки «рабочих» структур, стандартов, правил, которые можно называть как угодно: протологическими, квазилогическими, внелогическими и т. п. — главное в них то, что они рациональны, устойчивы и могут стать предметом логического анализа.

Эти «рабочие структуры», выраженные, как правило, на естественных языках, иногда нарочито противопоставляются логическим структурам. Например, формирование неориторики началось именно с такого противопоставления, которое вело к занижению значимости первого из указанных выше направлений — движения от логики к практике. Х. Перельман отмечал: «Большинство доказательств, используемых в праве, этике, философии, в политических дебатах и в повседневной жизни не могут иметь отношения к логике в строгом смысле этого слова³, а «в работах по логике... редко рискуют исследовать доказательства, используемые в гуманитарных науках»⁴. В процессе создания неориторики особая роль отводилась рациональным схемам и правилам, применяемым в судебном доказательстве; именно последнее признавалось образцом для «живой» аргументации, а вовсе не математическое доказательство, как это было раньше. Судья доказывает иначе, чем математик: он обязан принять решение, выбирая из множества возможных решений наиболее вероятное. Согласовывая с законом свой выбор, судья использует не аналитическую логику, а некоторый вариант рациональности, работающий с мнениями и потому находящийся за пределами логики (это сфера новой теории аргументации)⁵.

Острота критики логики в современной теории аргументации по сравнению с 60–70-ми годами прошлого века заметно уменьшилась, особенно после того, как неориторике пришлось «переоткрыть» содержание некоторых разделов «Аналитик» Аристотеля, в особенности «Топики», а логика во второй половине этого века обогатилась новыми работами в области теории

¹ Титов В. Д. Логическое знание в его социально-исторической детерминации. Харьков, 2004. — 260 с.

² Титов В. Д. Юридическая логика в США. Харьков, 2007.

³ Perelman Ch. The Idea of Justice and the Problem of Argument. London; New York, 1963. P. 53.

⁴ Ibid. P. 168.

⁵ Ibid. P. 97.

доказательства. Можно, конечно, отнести «Аналитики» к неформальной, полупформальной логике, как многие считают, но возможен и другой подход: признать предметом логики более широкую область структур рассуждения, чем это было принято в середине XX в. Можно также продолжать относиться к логическим моделям доказательства как к сугубо техническим, далеким от гуманитарной практики. Но нельзя не заметить и того, что они все более приближаются к структурам реальных рассуждений.

Так или иначе, но процессы взаимодействия логики с практической деятельностью, в том числе с юриспруденцией, продолжаются. Об этом свидетельствуют споры вокруг юридической логики, право на существование которой далеко не все признают и в логике, и в правоведении. Об этом говорят и дискуссии о соотношении логики и теории аргументации.

Главной целью данной статьи является попытка обосновать тезис о том, что существование юридической логики как вида практической логики имеет оправдание лишь постольку, поскольку она сумеет синтезировать те два направления исследований, о которых шла речь в начале статьи. В настоящее время многие книги, в названии которых есть термин «юридическая логика», этому требованию, на мой взгляд, не соответствуют. Предметной областью рассуждения в данной статье является судебное доказательство — своего рода «место встречи» логики и юридической практики.

Некоторый опыт сопоставления логических и юридических концепций доказательства, наблюдения за взаимодействием логических и «рабочих юридических» правил, принципов и форм доказательства был приобретен автором в процессе десятилетнего преподавания спецкурса «Логика судебного доказывания» в Институте подготовки профессиональных судей при Одесской юридической академии. Ниже будут изложены некоторые моменты содержания спецкурса, а также некоторые, весьма предварительные, выводы.

На начальной стадии занятий приходится заниматься уточнением терминологии, используемой в логике и юриспруденции. Так, в логике ключевой термин — «доказательство», а в юриспруденции их два — «доказательство» и «доказывание». В юриспруденции термин «доказательство» чаще используется для обозначения определенного вида аргументов — «фактических данных», и несколько реже — для обозначения процедуры обоснования истинности тезиса, аргумента или другого утверждения, существенного для выяснения обстоятельств дела, для реконструкции исследуемой ситуации. Термином «доказывание» охватывается весь процесс сбора, проверки, фиксации, принятия, оценки и использования аргументов⁶.

⁶ См., например: *Белкин А. Р.* Теория доказывания. М., 1999; *Тертышник В. М., Слинко С. В.* Теория доказательств. Харьков, 1998.

В свою очередь в логике общее понятие доказательства как обоснования истинности суждения может «материализоваться» по-разному: у Аристотеля доказательство воплощено в «научном силлогизме», требующем, кстати, принятия особой онтологии, а в современной логике для построения доказательства обязательно принятие некоторого формализованного языка. В рамках принятого языка используются различные методы доказательства, сформировавшиеся в логике XX в.: аксиоматический, натуральный, секвенциальный, табличный. Специалисты отмечают, что при использовании перечисленных методов и их вариантов в автоматизированных процессах доказательства преимущественным вниманием пользуются те из них, которые оказываются наиболее естественными, простыми и ясными⁷, т. е. наиболее близкими к «живым» доказательственным дискурсам.

Специфика «логического самосознания» современной юриспруденции не может не отражать той смены парадигм, которая здесь происходит и которая непосредственно касается переосмысления сути судебного права. Правоведение избавляется от односторонней трактовки правосудия как своего рода карательной машины: функция наказания, принуждения не только не единственная, но и не главная его функция; главной функцией должна стать функция гармонизации правовых отношений. «Специфика суда, его объективная природа и вместе с тем его отличие от других видов социальной регуляции состоит в реализации принципа формального равенства, равного отношения к сторонам, участникам судебного процесса»⁸. Это означает, что структуру судебного доказательства далеко не всегда можно свести к силлогизму: закон — большая посылка, имеющая статус аксиомы; фактические данные — меньшая посылка; решение суда — заключение. Эта старая схема не отражает всего разнообразия процессов судебного доказывания, как и силлогизм — не единственная структура доказательства в логике. Принципу формального равенства наилучшим образом соответствуют найденная и закрепленная в судебной практике форма доказывания — диалог (полилог), а также изученные в логике нелинейные схемы доказательства, предполагающие построение целых «деревьев» возможностей. Схемы естественного вывода, опирающегося на принятие и исследование гипотез, столь же органичны для судебного доказывания, сколь органичны для него и секвенциальные варианты, предполагающие построение деревьев возможностей уже не на уровне дескриптивного знания (например, суждений сторон), а на уровне выводов: «При движении вниз по дереву переходят не от формулы к формуле, а от выводи-

⁷ Антонова О. А. История развития теории логического вывода в XX в. // Логико-философские штудии. Вып. 3. СПб., 2005. С. 96.

⁸ Пашинский А. И. Специфика правосудия в контексте либертарного правопонимания // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М., 2009. С. 239.

мости к выводимости»⁹. Судья также может сопоставлять цепочки выводов, возникающих в процессе аргументации сторон. При этом надо заметить, что использование логических схем доказательства происходит здесь в приближенном виде (для сравнения можно сослаться на существование точных и приближенных методов вычислений в математике).

Структура судебного доказывания усложняется тем, что включает в себя взаимодействие тезисов, аргументов и методов доказательства сторон, а также результат этого взаимодействия, отраженный в решении суда.

Решение суда как итог доказывания (тезис в его особом понимании) выражается в формулировках: «признать виновным / «оправдать»; «иск удовлетворить» / «в иске отказать»; «назначить наказание в виде...»; «признать право собственности», «взыскать»; «срок ... исчислять с момента...»; «направить на повторное рассмотрение» и т. д. Все это не суждения, а типичные слова-действия в понимании Дж. Остина. Обоснование подобных перформативов практически осуществляется с помощью норм права, а также с помощью достоверных и принятых судом дескриптивных и нарративных текстов, сообщающих наличную информацию по делу, которая обычно предпосылается самому решению суда. Как видим, элементы судебного доказательства гетерогенны (знание, мнение, оценка, норма, перформатив и т. д.). Критерии приемлемости доказывания тоже не однородны и имеют по меньшей мере три измерения: истинность, правильность и эффективность. Первое касается дескриптивной и нарративной частей используемой информации, второе — действий, а третье — всего процесса доказательства. По-видимому, все три указанных измерения могут быть охвачены таким общим понятием, как релевантность.

Проблема соотношения информационного, деятельностного и аксиологического аспектов обоснования в современной логике пока не решена, хотя и обсуждаются некоторые ее аспекты. Например, исследуются основания как для возникновения концепций логики, «центрированных на значении» и «центрированных на правиле», так и для преодоления их противопоставления¹⁰.

Но анализ внутренних отношений между знанием, действием и критериями предпочтений в процессе доказательства — дело достаточно сложное. Следует согласиться с общей идеей В. Н. Брюшинкина, который отмечает, что настало время расширить само понимание внутренних отношений в логике: «Основные усилия современной символической логики были направлены на определение независимого от каких-либо внелогических соображений понятия доказательства... то, что связано с независимым определением доказательства, есть логика, а все, что не связано с ним, не есть логика»¹¹.

⁹ Антонова О. А. История развития теории логического вывода в XX в. С. 57.

¹⁰ Бейкер Г. П., Хакер П. М. Скептицизм, правила и язык. М., 2008. С. 44–47.

¹¹ Брюшинкин В.Н. Логика и процедуры поиска вывода // Логические исследования. Вып. 16.

Прагматическая обусловленность процедуры выбора оснований и структурных вариантов судебного доказательства бесспорна; однако она пока находится вне сферы изучения логики — до тех пор, вероятно, пока не будет построена логическая прагматика как раздел логики (наряду с логической семантикой и логическим синтаксисом), а не только как раздел теории аргументации, которую все исследователи выносят за пределы логики. Это отдельная проблема, заслуживающая внимания. Во всяком случае, не вызывает сомнения, что практическая логика не может обходить ее стороной.

Важной частью спецкурса является анализ некоторых эмерджентных свойств судебного доказывания, которые укоренены как в практике судебного доказывания, так и в принципах правовой теории. Формой реализации принципа формального равенства являются такие свойства судебного доказывания, как диалогичность и альтернативность, а достижению объективности, определенности и полноты рассмотрения дела в суде способствуют такие свойства судебного доказывания, как многоуровневость и системность. Кратко раскроем смысл перечисленных свойств.

Диалогичность судебного доказывания, закрепленная и в практике, и в нормах процессуального права, предполагает обеспечение равных возможностей сторон в судебном споре, состязательный характер процессов доказательства, опровержения, изложения информации, осуществляемых сторонами. Обязанностью суда является определение числа сторон судебного спора, уточнение предмета спора. В судебном доказывании $n+1$ тезисов, $n+1$ рядов аргументов, $n+1$ вариантов методов доказывания, где n — число сторон; к позициям сторон прибавляется позиция суда.

Альтернативность судебного доказывания состоит в том, что оно всегда предполагает процедуры выбора из некоторого возможного множества вариантов: это варианты описания ситуаций, отбора фактических данных, методов доказательства, меры наказания и т. д. Существенным пунктом судебного доказывания является выбор способов подведения той или иной ситуации под некоторое родовое множество ситуаций, а также отождествления (уподобления) ситуаций. Альтернативность проявляется и в принятии коммуникативных правил распределения бремени доказывания, в зависимости от принадлежности к той или иной стороне: в доказательствах по уголовным делам бремя доказывания несет обвинение, в гражданских делах бремя доказывания возлагается на истца.

Если обвинитель (истец) не доказал свой тезис, он проиграл процесс, независимо от действий другой стороны. Для другой стороны возможны на выбор две позиции: пассивная и активная. Пассивная означает полное признание тезиса обвинителя (истца) или непризнание, сопровождающееся молчаливым

ожиданием, что обвинитель (истец) не справится с бременем доказывания и, как результат, суд не согласится с его тезисом. Активная позиция обвиняемого (ответчика), в свою очередь, имеет два варианта: сильный и слабый. Сильный связан с отрицанием тезиса другой стороны, а слабый оспаривает лишь меру наказания. В любом случае активная позиция обвиняемого (ответчика) предполагает взятие на себя бремени доказывания тех возражений, которые он выдвигает. При сильном варианте обвиняемый выдвигает доказательство антитезиса или разрушает доказательство тезиса, а при слабом — ищет смягчающие обстоятельства.

Для судьи тоже существуют варианты обоснования своего решения, из которых он может выбирать наиболее подходящий для данной ситуации. Например, можно идти по пути развития посылок (аргументов) или по пути развития следствия (тезиса). Многие опытные юристы признают, что последний вариант имеет ряд преимуществ. Судья может начинать с некоторого «неопределенного предвиденья» или с перечня допустимых альтернативных заключений, а уже потом детально рассматривать данные, позволяющие осуществить разумный выбор¹², найти метод доказательства.

Многоуровневость судебного доказывания становится очевидной, как только ставится вопрос о критериях предпочтения при выборе альтернатив. Все основания и критерии выбора оснований в доказательстве можно условно разделить на три уровня, в зависимости от степени их эксплицитности. Первый уровень — уровень явно представленной сторонами и судом информации: сюда относятся фактические данные, нормы права, другие положения, на которые непосредственно ссылаются участники судебного спора. Назовем его уровнем посылок. Второй уровень — уровень информации, которая явно не формулируется, но имплицитно активно используется в судебном доказывании. При необходимости — например, если происходят сбои во взаимопонимании сторон — эта информация может быть эксплицирована. К этому уровню относятся общепринятые правила поведения (речевые, моральные, эстетические, логические и т. д.); важную часть этого уровня составляют процессуальные нормы права, которые не формулируются, но неукоснительно соблюдаются всеми юристами, участвующими в судебном доказывании. Этот уровень назовем уровнем предпосылок. Третий уровень — информация, которая практически никогда не эксплицируется, но весьма сильно влияет на выбор и интерпретацию явно используемых оснований. Сюда относятся фундаментальные принципы мировоззренческого характера, ключевые семантические концепты, принятая иерархия ценностей, личностные и корпоративные интересы, установки и т. п. Этот уровень судебного доказывания назовем глубинным базисом.

¹² Тутов В. Д. Юридическая логика в США. С. 97–98.

Способ связи указанных трех уровней — предмет особого изучения. Если имеет место их согласованность, целостность, то можно говорить о такой характеристике судебного доказывания, как системность.

Системность судебного доказывания — это взвешенное единство всех его элементов, уровней и аспектов — эксплицитных и имплицитных; это гармонизация самой процедуры выбора и обоснования решения суда. В качестве системообразующего отношения, которое задает всю иерархическую структуру доказывания и тем самым делает его системой, выступает, как это ни парадоксально, самая скрытая его часть, которую мы обозначили как «глубинный базис» доказательства. Системность судебного доказывания может отсутствовать в действиях сторон, но она обязательна для доказывания, осуществляемого судом. Отсутствие такой системности в обосновании решения суда резко снижает как его логическую, так и юридическую легитимность.

При подведении итогов спецкурса акцентируется внимание на двух проблемах: первая касается структуры практической логики (юридической логики, в частности), а вторая — взаимосвязи теоретической и практической логики.

Точка зрения автора может быть резюмирована и в спецкурсе, и в настоящей статье следующим образом.

1. Недостаточно признавать в структуре практической логики лишь само наличие двух направлений исследования («от логики к практике» и «от практики к логике»). Главное условие эффективности любого варианта практической логики состоит в реализации синтеза этих двух направлений. Первое направление предполагает не просто интерпретацию логических структур на новой предметной области, а исследование зависимости способов применения логического инструментария от типа решаемых практических задач. В свою очередь второе направление состоит не только в фиксации некоторых «рабочих схем», выработанных практикой, но и в их осмыслении в категориях логики, во вписывании их в пространство логической культуры.

2. Развитие практических логик происходит не только в интересах практической деятельности, но и в интересах теоретической логики. В частности, такие свойства судебного доказывания как диалогичность, альтернативность, многоуровневость и системность встречаются в доказательствах и за пределами юриспруденции. Можно высказать предположение, что они являются универсальными для доказательства как такового и вполне заслуживают того, чтобы стать предметом изучения в теоретической логике, и, в частности, в логической теории доказательства. Но это, по-видимому, предполагает более широкое понимание и предмета логики, и доказательств, чем то, что сегодня в логике считается общепринятым.